

DOI: 10.31862/0130-3414-2021-5-9-18

Ю.И. СохряковМосковский государственный областной университет,
141014 г. Мытищи, Московская обл., Российская Федерация

Значение Л.Н. Толстого для развития американской романистики XX века

Аннотация. Целью исследования стало выявление роли Л.Н. Толстого в формировании этических и эстетических взглядов американских писателей, которым он помог осознать, что настоящее искусство не средство развлечения, оно должно способствовать духовному объединению людей на основах добра и справедливости. Предметом исследования является анализ наследия Э. Хемингуэя, Т. Драйзера, Д. Дос Пассоса, У. Фолкнера, Дж. Стейнбека, Т. Вулфа и других писателей, в творчестве которых отразилось влияние Л.Н. Толстого. Значительное внимание уделено изучению наследуемого от Л.Н. Толстого сочетания чувства необходимости сражаться на войне, порождаемого ответственностью за судьбу родины и человечества, и антимилитаристского пафоса в романе Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!». В качестве основных методов используются сравнительно-исторический, историко-функциональный, аксиологический пути изучения литературы. В ходе исследования отмечается важное для развития американской романистики художественное мастерство Л.Н. Толстого, связанное с созданием эпических полотен. Акцентируются отмеченные американскими авторами такие свойства романов Л.Н. Толстого, как масштабность, правдивость, психологическая достоверность, обилие действующих лиц и разнообразие человеческих характеров, прием монтажа (быстрой смены планов). Выявляются основания интереса американских писателей к наследию Л.Н. Толстого, обусловленного тем, что он раздвинул традиционные рамки романного жанра, синтезировал художественную правду с правдой исторической и нравственной, раскрыл жизненную бесперспективность и внутреннюю несостоятельность индивидуалистического существования. Наблюдения и выводы могут быть использованы для дальнейшего изучения особенностей влияния творчества Л.Н. Толстого на зарубежную литературу, а также при изучении творчества американских романистов студентами, обучающимися по филологическим профилям в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, американская романистика, этика, эпичность, жанр романа, специфика литературы, реализм, психологизм в литературе

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Сохряков Ю.И. Значение Л.Н. Толстого для развития американской романистики XX века // Литература в школе. 2021. № 5. С. 9–18. DOI: 10.31862/0130-3414-2021-5-9-18

DOI: 10.31862/0130-3414-2021-5-9-18

Yu.I. Sokhryakov

Moscow Region State University,
Mytishi, Moscow Region, 141014, Russian Federation

Significance of L.N. Tolstoy for the development of the American romance of the XXth century

Abstract. The aim of the study is to identify the role of L.N. Tolstoy in shaping the ethical and aesthetic views of American writers, whom he helped to realize that real art is not a means of entertainment, but should contribute to the spiritual unification of people on the basis of goodness and justice. The subject of the research is the analysis of the oeuvre of E. Hemingway, T. Dreiser, D. Dos Passos, W. Faulkner, J. Steinbeck, T. Wolfe and other writers, whose work reflect L.N. Tolstoy's influence. Considerable attention is paid to the study of the inherited from L.N. Tolstoy's combination of a sense of the need to fight in a war, engendered by responsibility for the fate of the motherland and humanity, and anti-militarist pathos in E. Hemingway's novel "Farewell to Arms!". The main methods are comparative-historical, historical-functional, axiological ways of studying literature. The study notes the artistic skill of L.N. Tolstoy's, associated with the creation of epic paintings. The work emphasizes that the American writers note such properties of L.N. Tolstoy's novels as a scale, truthfulness, psychological reliability, abundance of characters and a variety of human characters, a method of editing (a quick change of plans). The author distinguishes the reasons for the interest of American writers in L.N. Tolstoy's legacy, conditioned by the fact that he expanded the traditional framework of the novel genre, synthesized artistic truth with historical and moral truth, revealed the futility of life and the internal inconsistency of individualistic existence. Observations and conclusions can be used to further study the features of the influence of creativity of L.N. Tolstoy on foreign literature, as well as in the study of the work of American novelists' by students of language and literature in higher educational institutions.

Key words: L.N. Tolstoy, American romance, ethics, epic, novel, specificity of literature, realism, psychologism in literature

CITATION: Sokhryakov Yu.I. Significance of L.N. Tolstoy for the development of the American romance of the XXth century. *Literature at School*. 2021. No. 5. Pp. 9–18. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2021-5-9-18

Значение Л.Н. Толстого в культурной жизни XX–XXI вв. определяется его видением роли искусства, которое понимается им как действенное средство формирования человека. Актуальность творчества Л.Н. Толстого определяется тем, что в нем происходит постижение истинного смысла бытия и созерцательно-му отношению к жизни противостоят деятельностное. В реалистической литературе США XX в. трудно найти художника, который бы в той или иной форме не выразил своего отношения к Л.Н. Толстому. «Толстой – это писатель, который восхищает меня больше всего», – писал в свое время С. Крейн [16, с. 78]. Социальной ответственности перед временем призывал учиться у Толстого Ф. Норрис. Для них, как и для многих других художников XX в., Толстой был велик тем, что в своих произведениях раскрывал жизненную бесперспективность и внутреннюю несостоятельность индивидуалистического существования.

Эту традицию Толстого продолжил в своем творчестве Т. Драйзер. В художественной ткани его романов можно обнаружить прямые следы увлечения Толстым. В романе «Гений» писатель вводит целые главы, посвященные обсуждению нравственно-философских вопросов, а в одной из сцен романа герои детально обсуждают проблематику романа «Анна Каренина», соотнося поведение толстовской героини с собственной жизнью.

Социально-этические размышления Л.Н. Толстого вызвали огромный резонанс в Америке, они заставляли и писателей-профессионалов, и людей, не имевших прямого отношения к литературе, критически относиться к окружающему миру, размышлять о методах и средствах искоренения царящего в нем зла. Об этическом воздействии трактата Толстого «Так что же нам делать?» писал американский романист У.Д. Хоуэллс: «После того как вы прочли его, вы уже не можете оставаться тем, чем были до этого. Он повлиял на меня не в эстетическом, но в этическом плане» [18, с. 183–184].

Не менее значительна была роль Л.Н. Толстого в формировании эстетических взглядов других зарубежных писателей, которым он помог осознать, что настоящее искусство не средство развлечения для богатых мира сего, что оно должно выражать и защищать интересы народных масс, способствовать духовному объединению людей на основах добра и справедливости. В США, где в течение длительного времени писатель рассматривался как автор развлекательного чтения, трактат Толстого «Что такое искусство?» вызвал не меньший резонанс, чем его социально-этические работы, убедил «в серьезности и ответственности писательской профессии, в том, что литература должна быть не только средством борьбы со злом, но и средством духовного воспитания людей» [15, с. 283]. В молодости вместе с другими начинающими

литераторами зачитывался этим трактатом Т. Драйзер, для которого открытие Толстого в студенческие годы было одним из самых «потрясающих откровений». Именно Толстой, по словам Т. Драйзера, заставил его подумать впервые о профессии литератора: «Как прекрасно было бы стать писателем и писать так, чтобы весь мир прислушивался к твоим словам» [17, с. 555]. Так описывал Т. Драйзер свои чувства после чтения «Крейцеровой сонаты» и «Смерти Ивана Ильича».

Л.Н. Толстой сыграл важную роль в творческой биографии писателей, принадлежащих к так называемой «южной школе» в американской литературе. Говоря о значении русской классики, и в особенности Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, для писателей «южной школы», К. Маккаллерс отмечала, что представители «южной школы» находятся в неоплатном долгу перед русской литературой. «Русский реализм прошлого века, – заявляет К. Маккаллерс, – и реализм “южной школы” близки между собой по методу и настроению, по способности создавать интересные человеческие характеры» [20, с. 121]. Указывая на суровую правдивость как характернейшую особенность русского реализма и реализма «южной школы», Маккаллерс пишет, что русский реализм возникает «на высоком уровне философского романа Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, романа, имеющего дело с кардинальными вопросами и исследованием проблем, которые придают русскому роману страстность и глубокий смысл» [Там же]. Именно Толстой помог представителям «южной школы» осознать бесплодность, бесперспективность существования человека, отчужден-

ного от себя, от Бога, от других людей. Вслед за Толстым тщательно исследуя пагубность эгоистического самоутверждения, они приходят к выводу, что итоги подобного существования – страх, ощущение бессмысленности бытия, беспросветное отчаяние. И сама собой возникает мысль о том, что такие формы жизни нелепы, ибо они не соответствуют нормальной человеческой природе.

Американские реалисты учились у Толстого мастерству срывания всех и всяческих масок, которыми человек нередко прикрывает свою подлинную сущность. Внутренняя эволюция многих толстовских героев происходит по пути освобождения от того, что мешает человеку быть самим собой, от всего искусственного, наносного, фальшивого, что препятствует выявлению его первоизданной сущности. С опорой на художественную систему Толстого американские писатели рассматривали духовные поиски своих героев в соотнесенности с крупными историческими событиями своего времени. Один из существенных аспектов, привлечших внимание к Толстому, – изображение духовной эволюции человека, постепенное, мучительное преодоление наполеоновского комплекса, освобождение от мании величия, преклонения перед культом сильной личности. Опыт Толстого в разоблачении бесперспективности принципа вседозволенности помог американским реалистам в художественном раскрытии циничной идеологии XX в.

«Война и мир» Л.Н. Толстого поразила зарубежных читателей жизненной «эпической всеохватностью» [2, с. 164], заключающейся в правдивости и психологической достоверности, благодаря которым толстовские

герои не просто существуют, но живут трепетной реальностью, не поддающейся рациональному анализу. Читатель ощущает, что окупился в живой мир со всеми его страстями, муками и радостями. Современность Толстого обусловлена тем, что он затронул такие проблемы, которые в наше время оказались в центре всеобщего внимания: чувство отчужденности, душевная тревога, повышенный интерес к подсознательным, таинственным движениям человеческой души. Говоря о значении реализма Толстого в мировом художественном развитии, Т.Л. Мотылева подчеркивала: «Толстой как автор книг о войне содействовал поступательному движению реализма в новейшее время: он помог писателям разных стран освоить средствами реалистического изображения новую тематическую область» [9, с. 311].

В этом отношении в разработке военной тематики учитывал опыт Толстого Эрнест Хемингуэй, считавший эпопею «Война и мир» первым в списке тех великих творений, с которыми должен познакомиться каждый начинающий писатель. В «Празднике, который всегда с тобой» Хемингуэй говорит о «Войне и мире» как о «чертовски сильном романе», как о «величайшем» произведении на свете, которое «можно перечитывать без конца» [14, с. 471]. Изображение Отечественной войны 1812 г., «во многом определившей содержательное развитие русской литературы» [7, с. 186], – передвижения войск, театр военных действий, солдаты и сражения, рисуемые Толстым, становились реальностью в глазах Хемингуэя, а это, по его мнению, есть высшее достоинство произведения искусства. «По сравнению

с Толстым, – замечает американский писатель, – описание нашей гражданской войны у Стивена Крейна казалось блестящей выдумкой большого мальчика, который никогда не видел войны, а лишь читал рассказы о битвах и подвигах и разглядывал фотографии Брэди, как я в свое время в доме деда» [14, с. 471].

В 1942 г. в предисловии к книге «Люди на войне» Э. Хемингуэй писал: «Я не знаю никого, кто писал бы о войне лучше Л.Н. Толстого; его роман “Война и мир” настолько огромен и подавляющ, что из него можно выкроить любое количество битв и сражений, – отрывки сохранят свою силу и правду, и сделанное вами не будет преступлением. Я люблю “Войну и мир” за удивительно глубокое и правдивое изображение войны и народа. Показ военных действий Багратионова арьергарда – это лучший и правдивейший отчет о подобных действиях из всех, какие я когда-либо читал» [Там же, с. 472]. Именно Л.Н. Толстой способствовал глубине художественного осмысления Первой мировой войны в романе «Прощай, оружие!», где Э. Хемингуэй показал войну в отвратительной наготе, со всей грязью, кровью, отчаянием. Не менее важно и то, что война, в свою очередь, помогла Хемингуэю увидеть человека вне тех лицемерных условностей, которыми нередко прикрыта мирная жизнь. Именно война (как и «бой быков») помогла американскому писателю увидеть неотчужденную сущность человека, проявляющуюся в кризисной ситуации, перед лицом смерти. При этом увлеченность Хемингуэя «биологизмом, под которым понимается интерес к рождению и смерти» [13, с. 116], был попросту данью

экзистенциалистским настроением, охватившим определенную часть западной интеллигенции в 1920-е гг. Этот интерес был предопределен чисто толстовской устремленностью найти подлинные ценности, на которые можно было бы опереться перед лицом смерти. Хотя Хемингуэй любил повторять, что «все плохие писатели обожают эпос», сам он на протяжении всей творческой жизни стремился к созданию эпических полотен, в которых отразились бы глубокие социальные процессы первой половины XX в. Как отмечают Л.П. Маркушевская и М.В. Процуто, Толстого и Хемингуэя «сближает понимание необходимости борьбы справедливой, реалистичность изображения, преломление событий в истории человечества через восприятие отдельной личности» [8, с. 100].

В романе Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!» пафос миролюбия сочетается с чувством необходимости сражаться на войне, которое порождается обеспокоенностью судьбой родины и будущим человеческого сообщества за судьбу родины и человечества. Обращаясь к любимому переводчику своих произведений на русский язык И. Кашкину, Хемингуэй говорил: «Мы знаем, что война – зло. Однако иногда необходимо сражаться. Но все равно война – зло, и всякий, кто станет отрицать это, – лжец. Но очень сложно и трудно писать о ней правдиво» [5, с. 284].

Продолжая традиции Л.Н. Толстого в понимании войны как «конфликта естественной жизни и цивилизации» [3, с. 190], Хемингуэй в своих романах противопоставляет бессмыслице войны самые высокие проявления человеческих чувств – любовь, дружбу, способность сохранять муже-

ство и стойкость в самых неблагоприятных обстоятельствах. В Толстом американского писателя «притягивает интерес к глубинным нравственно-этическим проблемам человеческого бытия» [1, с. 181]. Неслучайно Хемингуэй показывает войну как событие, «противное человеческому разуму» и всему человеческому естеству. Он стремится вслед за Толстым к изображению войны в самых различных ее аспектах, с самых различных точек зрения. Вот почему он просил И. Кашкина не считать, что какой-либо его рассказ полностью выражает авторскую точку зрения.

Э. Хемингуэй был не единственным писателем в США, использовавшим опыт Л.Н. Толстого при создании художественного эпоса, при осмыслении исторической судьбы нации в моменты крутых социальных катаклизмов. Соотечественник Хемингуэя, известный романист Дж. Дос Пассос, говоря о новаторстве эпопеи «Война и мир» и о ее значении для развития жанра романа, подчеркивал, что творение русского писателя – это «такого рода роман, в котором личные события из жизни героев как бы иллюстрируют законы эволюции человеческого общества. Политические силы начинают здесь занимать место олимпийских богов из древнегреческой драмы» [21, с. 174]. Сам Дос Пассос, стремясь создать эпические картины жизни в романах «Три солдата», «Манхэттен», в трилогии «США», вне сомнения, опирался на достижения Толстого-эпика. При всей экспериментальности и хаотичности структуры «Манхэттена» и трилогии «США» в них чувствуется толстовское стремление к всестороннему изображению действительности и человека.

Эпической монументальности Толстого-романиста следовал и другой видный американский художник XX в. – Томас Вулф. Испытавший на себе воздействие русской классической литературы, Толстого и Достоевского, Вулф признавался: «“Война и мир” – это великолепная и грандиозная вещь. Я замечаю в этой книге, что личная история переплетается с универсальной, вы знакомитесь с историей жизни частных лиц, и у вас создается цельная и впечатляющая панорама жизни всей нации России. Так великий писатель использует свой материал, и в этом смысле каждая хорошая работа автобиографична, и мне не стыдно следовать этому в своем творчестве» [22, с. 242]. Т. Вулф подметил здесь важнейшую особенность реализма Толстого – способность к передаче «реальности изображаемого духовного мира» [6, с. 140] человека перед лицом смерти, художественному обобщению личных, автобиографических элементов, приобретающих под его пером общечеловеческое значение и философский смысл. Вулф учитывал опыт Л.Н. Толстого в художественном исследовании психологической жизни героев в соотнесенности с историческими событиями эпохи. Герой его последнего романа «Домой возврата нет» Джордж Уэббер, отказываясь от позиции нейтралитета и нравственного самоустранения, становится личностью именно тогда, когда решает стать на сторону бедняков, на сторону тех, кто готовится к решающей схватке с фашизмом.

Примерами современного эпического повествования являются и «Йокнапатофская сага» Уильяма Фолкнера, и роман Джона Стейнбе-

ка «Гроздь гнева», в котором личные судьбы семейства Джоудов, скитающегося по Америке в поисках работы, переплетаются с судьбами сотен тысяч обездоленных. Не случайно, что американские критики, анализируя «Гроздь гнева», обращаются к Л.Н. Толстому, его «Войне и миру» как недостижимому образцу в сфере эпоса. Критик П. Лиска в статье, посвященной «Гроздьям гнева», не без основания проводит определенные параллели между этим произведением и «Войной и миром»: «При всей несоизмеримости двух произведений идеи и материал “Гроздь гнева” представляет несомненное структурное сходство с “Войной и миром”. Фактическим материалом романа Л.Н. Толстого были приключения Безухова, Ростова, семьи Болконских, с одной стороны, и наполеоновские войны, с другой. Аналогичен и материал Дж. Стейнбека. Это странствия семейств Джоудов, Вильсонов и Уэнрайтов в период великой депрессии, и, подобно Л.Н. Толстому, Дж. Стейнбек имел достаточно оснований для создания отдельных философских глав» [19, с. 174].

Многие современные латиноамериканские романисты подчеркивают значительную роль Толстого-эпика в становлении латиноамериканского романа. Так, перуанский прозаик Марио Варгас Льоса называл романы Л.Н. Толстого своими «настоящими книгами», а колумбиец Габриэль Гарсиа Маркес признавался: «Если мне предложат выбирать из всей мировой литературы, я назову русского писателя Л.Н. Толстого. Я думаю, что “Война и мир” – самый великий роман из всех, написанных за историю человечества. Это увесистый кирпич, но какое чудо!» [11, с. 276].

Образцом гармонии формы и содержания считал «Войну и мир» кубинский романист Алехо Карпентьер, восхищавшийся романом Л.Н. Толстого, его масштабностью, разнообразием человеческих характеров, их индивидуальности, неповторимостью. Но самой интересной для А. Карпентьера оказалась «техника параллельных планов», «принцип разработки параллельных ракурсов»: «За исключением некоторых романов эпохи романтизма, которые не назывешь шедеврами, лучшие произведения мировой литературы до этого не знали подобной пестроты действующих лиц, постоянной смены декораций, столь резких переходов от аристократического салона к полю боя, от богатого особняка к передовой. В наше время подобная техника получила название кинематографического монтажа» [4, с. 332].

Л.Н. Толстой не только показывает пример эпического осмысления исторической судьбы своей родины, роли народных масс в социальных процессах. Творчество Толстого способствует возникновению в латиноамериканских литературах новых разновидностей романного жанра. Книги русских классиков, по выражению чилийского поэта Пабло Неруды, представляют собой «замечательное явление в мировой литературе», они приобщили его самого и многих других латиноамериканских писателей к «серьезному и обнажающему видению мира, которое свойственно русским писателям» [10, т. 4, с. 53].

Американские литераторы XX в. находили в эпопее Л.Н. Толстого много поучительного для себя; особенно близким для них оказалось безоговорочное неприятие войны, отношение к войне как к событию, противному человеческому разуму и всей человеческой природе. Как видим, Толстой помогает многим художникам в освоении новых тематических сфер, в поисках новых путей в искусстве. Американский романист Джон Гарднер в одной из последних своих работ утверждал, что роман как литературный жанр должен быть пронизан моральными исканиями, должен ставить нравственные проблемы, волнующие людей, – лишь в этом случае он может дать ответ на духовные запросы общества. При этом писатель ссылаясь в подтверждение своих мыслей на опыт Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского.

Мировую литературу Л.Н. Толстой обогатил тем, что раздвинул традиционные рамки романного жанра, синтезировал художественную правду с правдой нравственной, правдой исторической. И это также привлекает внимание деятелей зарубежного искусства. Значение Толстого в литературном процессе Америки в XX в. определяется его напряженным интересом к этической проблематике, его стремлением исследовать нравственные аспекты человеческой жизни. Толстой сумел затронуть такие глубокие этические проблемы, которые касаются самих основ человеческого бытия и которые до сих пор волнуют человечество.

Библиографический список

1. Гиленсон Б.А. Э. Хемингуэй и Л. Толстой // Русистика и компаративистика: сборник научных статей / отв. ред. Е.Ф. Киров, Г. Кундротас, М.Б. Лоскутникова. М., 2010. С. 179–183.
2. Гулин А.В. Богучаровский «бунт» в «Войне и мире» Л.Н. Толстого: источники, философия, поэтика // Studia Litterarum. 2020. Т. 5. № 1. С. 162–177.

3. Гулин А.В. «Тень Пугачевщины» в «Войне и мире» Л.Н. Толстого // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 4. С. 173–192.
4. Карпентьер А. Мы искали и нашли себя. Художественная публицистика. М., 1984.
5. Кашкин Н. Эрнест Хемингуэй. М., 1966.
6. Киселева И.А., Поташова К.А. Динамическая поэтика в истории текста стихотворения М.Ю. Лермонтова «Сон» // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 1. С. 130–145.
7. Киселева И.А. Роль событий войны 1812 года в формировании имперских настроений русского общества первой трети XIX века: к вопросу о патриотизме Лермонтова // Вестник Московского государственного областного университета. 2012. № 4. С. 182–187.
8. Маркушевская Л.П., Протсото М.В. Изображение человека на войне в творчестве Э. Хемингуэя и Л. Толстого // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 2. С. 97–107.
9. Мотылева Т.Л. Иностранная литература и современность. М., 1961.
10. Неруда П. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1978–1979.
11. Писатели Латинской Америки о литературе: сборник / сост. Л.С. Осповат. М., 1982.
12. Л.Н. Толстой и зарубежный мир. М., 1965.
13. Шульц С.А. «Снега Килиманджаро» Э. Хемингуэя и «Смерть Ивана Ильича» Л. Толстого // Культура и текст. 2019. № 1 (36). С. 115–125.
14. Хемингуэй Э. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1968.
15. Ценностные основы национальной картины мира в русской литературе: К 90-летию профессора Веры Николаевны Аношкиной / И.А. Киселева, Д.В. Абашева, Т.А. Алпатова и др. М., 2019.
16. Crane S. Letters. R.W. Stallman, L. Gilkes (eds.). Owen, 1960.
17. Driser T. Dawn. New York, 1931.
18. Howells W.D. My literary passions. New York, 1910.
19. Lisca P. The grapes of wrath as fiction. *Modern American Novel*. New York, 1986.
20. McCullers C. Russian realists find southern writers decion. *Harper's Bazaar*. 1941 (April). Pp. 51–130.
21. Talks with authors. Ch.F. Madden (eds.). Amsterdam, 1968.
22. Wolf T. The letters. London, Dent, 1956.

References

1. Gilenson B.A. E. Hemingway and L. Tolstoy. *Rusistika i komparativistika: Sbornik nauchnykh statey*. E.F. Kirov, G. Kundrotas, M.B. Loskutnikova (eds.). Moscow, 2010. Pp. 179–183. (In Rus.)
2. Gulin A.V. The “rebellion” in Bogucharovo in Leo Tolstoy’s “War and Peace”: Sources, philosophy, poetics. *Studia Litterarum*. 2020. Vol. 5. No. 1. Pp. 162–177. (In Rus.)
3. Gulin A.V. “Shadow of Pugachevchina” in “War and Peace” by L.N. Tolstoy. *The Problems of Historical Poetics*. 2019. Vol. 17. No. 4. Pp. 173–192. (In Rus.)
4. Karpentyer A. My iskali i nashli sebya. *Khudozhestvennaya publitsistika* [We searched and found ourselves. Artistic journalism]. Moscow, 1984.
5. Kashkin N. Ernest Kheminguey [Ernest Hemingway]. Moscow, 1966.
6. Kiseleva I.A., Potashova K.A. Dynamic poetics in the history of the text of the poem by M.Yu. Lermontov’s “Dream”. *The Problems of Historical Poetics*. 2020. Vol. 18. No. 1. Pp. 130–145. (In Rus.)
7. Kiseleva I.A. The role of the events of the war of 1812 in the formation of imperial sentiments in Russian society in the first third of the 19th century: On the question of Lermontov’s patriotism. *Bulletin of the Moscow State Region University*. 2012. No. 4. Pp. 182–187. (In Rus.)
8. Markushevskaya L.P., Protsuto M.V. The depiction of a man at war in the works of E. Hemingway and L. Tolstoy. *Bulletin of the Moscow State Region University. Series: Russian Philology*. 2017. No. 2. Pp. 97–107. (In Rus.)
9. Motyleva T.L. Inostrannaya literatura i sovremennost [Foreign literature and modernity]. Moscow, 1961.

10. Neruda P. Sobraniye sochineniy: V 4 t. [Collected works in 4 vols.]. Moscow, 1978–1979.
11. Pisateli Latinskoy Ameriki o literature: Sbornik [Latin American Writers on literature: A collection]. L.S. Ospovat (compl.). Moscow, 1982.
12. L.N. Tolstoy i zarubezhnyy mir [L.N. Tolstoy and the foreign world]. Moscow, 1965.
13. Shults S.A. “The Snows of Kilimanjaro” by E. Hemingway and “The Death of Ivan Ilyich” by L. Tolstoy. *Kultura i tekst*. 2019. No. 1 (36). Pp. 115–125. (In Russ.)
14. Hemingway E. Sobraniye sochineniy: V 4 t. [Collected works in 4 vols.]. Moscow, 1968.
15. Kiseleva I.A., Abasheva D.V., Alpatova T.A. et al. Tsennostnyye osnovy natsionalnoy kartiny mira v russkoy literature: K 90-letiyu professora Very Nikolayevny Anoshkinoy [The value foundations of the national picture of the world in Russian literature: To the 90th birthday anniversary of Professor Vera Nikolaevna Anoshkina]. Moscow, 2019.
16. Crane S. Letters. R.W. Stallman, L. Gilkes (eds.). Owen, 1960.
17. Driser T. Dawn. New York, 1931.
18. Howells W.D. My literary passions. New York, 1910.
19. Lisca P. The grapes of wrath as fiction. *Modern American Novel*. New York, 1986.
20. McCullers C. Russian realists find southern writers decion. *Harper’s Bazaar*. 1941 (April). Pp. 51–130.
21. Talks with authors. Ch.F. Madden (ed.). Amsterdam, 1968.
22. Wolf T. The letters. London, Dent, 1956.

Статья поступила в редакцию 30.08.2021, принята к публикации 20.09.2021
The article was received on 30.08.2021, accepted for publication 20.09.2021

Сведения об авторе / About the author

Сохряков Юрий Иванович – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русской классической литературы факультета русской филологии, Московский государственный областной университет, г. Мытищи Московской области

Yury I. Sokhryakov – ScD in Philology, Full Professor; Professor at the Department of Russian classical literature, Faculty of Russian Philology, Moscow Region State University, Mytishi, Moscow Region

E-mail: yuiv.sohryakov@yandex.ru